

AMERICA

Российское общество по изучению культуры США
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
Факультет журналистики
Материалы XXXIV
международной конференции

12-17 декабря 2008

**Отображение и интерпретация
истории в культуре США**

**Interpretation of History
in American Culture**

Proceeding of the XXXIV International Conference
Organized by the Russian Society of American
Culture Studies

December 12-17, 2008

Moscow State University
Department of Journalism

*Издается по решению Ученого совета факультета журналистики
МГУ имени М. В. Ломоносова*

Общество по изучению культуры США
зарегистрировано Министерством юстиции
Российской Федерации 30.12.97 рег. № 8652
Адрес: к. 217, Моховая 9, Москва, К-9,
125009, Россия
www.rsacs.org

Отображение и интерпретация истории в культуре США
Материалы XXXIV международной конференции Российского
общества по изучению культуры США 12-17 декабря 2008. – М.:
Факультет журналистики МГУ, 2011. – 370 с.

Редакционная комиссия:

Профессор Я. Н. ЗАСУРСКИЙ
Профессор А. В. ВАЩЕНКО
Доктор филологических наук М. М. КОРЕНЕВА

Ответственный редактор:

Кандидат филологических наук Л. Г. МИХАЙЛОВА
larisa@gmail.com

Иллюстрации: А. Бабуровой и М. Князевой

ISSN 1561-6193-34

© Факультет журналистики МГУ, 2011

2. Осипова Э. Повесть «Детство» и восприятие раннего творчества Л.Н.Толстого американскими писателями //Материалы научной конференции «Л.Н.Толстой в 1850-е годы: рождение художника». – Тула: Издательский дом «Ясная Поляна», 2003. – С. 98-102.

3. Пасюкевич Ирина. Проблема жанра исторического романа //Американские исследования. Ежегодник 2001 / Под ред.Ю. В. Стулова. – Минск: Изд-во Европейского гуманитарного университета, 2001. – С. 130.

4. Шекспир У. Полное собр. соч. в восьми тт. – Т. 4. – М.: Искусство, 1959 (пер. Е. Бируковой).

5. Aaron Daniel. *The Unwritten War. American Writers and the Civil War*. – Madison: The University of Wisconsin Press, 1987.

6. Bahr Howard. *The Black Flower. A Novel of the Civil War*. – New York: Henry Holt & Company, 1998.

7. Frazier Charles. *Cold Mountain*. – New York: Atlantic Monthly Press, 1997.

8. Doctorow E. L. *The March*. – London: Abacus Press, 2005.

9. Dyja Thomas. *Play for a Kingdom*. – New York: Harcourt Brace & Company, 1997.

Н. А. Высоцкая
Киевский национальный лингвистический университет,
Украина

Гражданская война в США: литературные версии XXI столетия

Изрядно потеснив современность, история (в первую очередь, национальная) прочно обосновалась в литературе США последних лет. Чтобы удостовериться в этом, достаточно взглянуть хотя бы на список романов, удостоенных в новом столетии Пулитцеровской премии. «Удивительные приключения Кавалира и Клея» М. Чейбона (2001), «Ведомый мир» Э. Джонса (2004), «Гилеад» М. Робинсон (2005), «Марч» Дж. Брукс (2006) значительно разнятся по своей жанровой природе, поэтике, кругу волнующих авторов проблем; но в них всех предприняты попытки (вос)создать тот или иной (нередко весьма отдаленный) хронотоп американского прошлого. Бурные

дискуссии вызвал и роман-предостережение Ф.Рота «Заговор против Америки» (2004), где рассматривается альтернативная (и весьма мрачная) версия развития событий в разгар Второй мировой войны – один из поворотных моментов в истории страны.

С одной стороны, стремление нынешних литераторов в непростой для Америки период оглянуться назад (что, по мысли авторов, позволяет одновременно и заглянуть вперед) соотносится с национальной традицией, где, по наблюдению Е. Стеценко, «преобладающей точкой зрения на историю является представление о взаимосвязи и взаимозависимости времен» [Стеценко, 1994, 3]. М. Александер, в свою очередь, отмечает в литературе США тенденцию вновь и вновь возвращаться к самому концепту «Америки» путем «постоянных пересмотров ее основополагающей философии в свете более позднего опыта», что приводит к созданию притч, где современное американское общество вступает в ироническую игру с американским мифом [Alexander, 1990, 126]. История при этом антропологизируется, осуществляясь через личность и судьбу отдельного человека (такой подход, присущий литературе в целом, приобретает особую значимость в американском духовном контексте с его акцентом на индивидуализме и «доверии к себе»).

С другой же, неодолимая тяга (пост)современной, в том числе, американской культуры к ревизии прошлого обусловлена и нынешними интеллектуальными веяниями, отказывающимися истории (трактуемой как один из приходящих в упадок «великих нарративов») в объективности и подчеркивающими ее текстуальную природу, множественность и относительность. Закономерным шагом в развенчании идеи единой объективной истории стали труды Х. Уайта (в первую очередь, «Метаистория», 1973 и «Тропики дискурса», 1978), представившие историю как продукт письма, социальный конструкт, подобно литературному тексту, творимый с помощью риторических и нарративных стратегий. «Ценность, придаваемая нарративности в ходе изображения реальных событий», поясняет ученый, «порождается стремлением к тому, чтобы эти последние выявили связность, целостность, полноту и завершенность представления о жизни, являющегося воображаемым (а иным оно и не может быть)» [White, 1987, 24].

Одним из шагов, предпринятых постмодернизмом для своей легитимации, стала, по мнению Н. Люси, «тотальная “деисторизация” контекстов, в которых знаки обретают ценность» [Lucy, 1997, 62].

Эрозия традиционных связей между индивидуумом и обществом в нашу эпоху вызвана, среди прочего, и дискредитацией основополагающих метанарративов последнего. В результате индивидуальная жизнь лишается смысла – ведь его в значительной степени порождают именно «общие истории». Возникает, по словам Ф. Джеймисона, «общество, лишенное какого бы то ни было историзма» [Jameson, 1991, 18], безнадежно пытающееся восстановить связи с утраченным прошлым путем его искусственных «инсценировок». Принципы жизнеигры постмодернистских потребителей, констатирует З. Бауман, определяют необходимость «в отсечении настоящего с обеих сторон, изолировании его от истории, отмене времени в любой форме, кроме плоского набора или произвольной последовательности мгновений настоящего; *постоянное настоящее*» (курсив автора – Н. В.) [Bauman, 1996, 24].

В условиях мультикультурного подъема в США противоположный, на первый взгляд, импульс порождается потребностью ранее маргинализированных сегментов социума вернуть себе собственную «украденную» историю, то «полезное» (usable) прошлое, которое видится им единственно надежным материалом для лепки групповой и индивидуальной идентичности. Поэтому деконструкция официальной истории, откуда всевозможные «меньшинства» были вытеснены на обочину, сопровождается активным созданием собственных версий прошлого как в историографическом, так и в литературном пространстве. В то же время, производимая в них децентрация истории, иногда с последующей ее рецентрацией, но уже на «периферийных» событиях и агентах, вполне согласуется с постмодернистским пафосом предоставления «слова» тем субъектам истории, которых ранее лишали права голоса.

Таким образом, любой сегодняшний текст, связанный с историей, оказывается полем пересечения и взаимодействия множества разнонаправленных векторов, где доминирование одного либо нескольких из них определяется причудливой взаимной конфигурацией как внутри-, так и внелитературных факторов.

Из всего солидного массива современных американских произведений на историческую тематику остановимся на трех, вышедших из печати почти одновременно (2005-2006 гг.) и переносящих читателя в драматический и переломный период истории США – годы войны между Севером и Югом. Одно из них – уже названный роман Дж. Брукс «Марч» (*March*, 2005), получивший Пулитцеровскую пре-

мию; авторство второго принадлежит не очень известному у нас Стивену Райту («Смесительная полька» – *The Amalgamation Polka*, 2006), третье же вышло из-под пера маститого Э. Л. Доктороу и носит то же название, что и роман Брукс – *March* (2005), что, однако, в данном случае переводится как «Марш». Вряд ли стоит удивляться тому, что внимание писателей привлекли события именно этих пяти лет, «изменивших ход истории страны и оставивших глубокий след в национальном сознании» [A Nineteen Century American Reader, 1989, 277]. Разрубив один узел противоречий, война завязала целый ряд других, которые и поныне продолжают влиять на жизнь США. Помимо всех прочих последствий – экономических, политических, социальных, – Гражданская война явилась водоразделом, после которого стало возможным окончательное формирование американской нации и идентичности на фундаменте системы ценностей, не утратившей для многих в Америке и за ее пределами и по сей день своей притягательной силы. В то же время, сегодня есть явственное ощущение угрозы этой системе как изнутри («революция множественности»), так и извне (международный терроризм). Политолог Ст. Реншон прямо называет «культурные войны» последних десятилетий «второй Гражданской войной». Сегодня, по мнению ученого, речь идет о том, каким образом сохранить стабильные и конструктивные отношения между «*unum*» и «*pluribus*», провозглашенными в девизе государства. В отличие от первой, эта «война» не противопоставляет промышленность и торговлю сельскому хозяйству, урбанистические центры – сельским традициям, Север – Югу, поскольку она охватила всю страну [Renshon, 2005, 82]. В период кризиса определенной системы ценностей (подлинного или воображаемого) вполне естественно обращение к решающему этапу ее становления с целью еще раз подтвердить или же, наоборот, пересмотреть ее основополагающие принципы, обнаружить в них корни последующих конфликтов.

Соответственно, все три названных романа носят откровенно ревизионистский характер по отношению к официозным, пафосным, прямолинейно прогрессистским (историческим и художественным) нарративам, посвященным событиям Гражданской войны. В этом их авторы ни в коей мере не являются первооткрывателями. Ведь именно такой – не парадный, а, наоборот, дегероизирующий взгляд на войну ее рядового участника как на торжество абсурда и хаоса, бессмысленную людскую бойню был художественно обоснован Стиве-

ном Крейнном еще в 1895 г. («Алый знак доблести»). И Брукс, и Райт, и Доктороу, таким образом, выступают продолжателями почтенной национальной традиции, расцветивая ее новыми красками, порожденными уже современными реалиями, что и обеспечивает точки схождения между тремя текстами. Так, все они (в различной форме и степени) делают упор на расовом и гендерном аспектах, долгое время остававшихся маргинальными для «военных» писателей. На одно из центральных мест выходит тема расизма, присущего, пусть в разной мере, солдатам обеих армий, что подготавливает почву для вывода о внутренней противоречивости (а значит, и взрывоопасности) образовавшейся в результате войны общеамериканской цивилизации. Все три автора (опять же, следуя за Крейнном, а, возможно, и за Хемингуэем) весьма натуралистично, не щадя читателя, живописуют ужасы войны, клинически точно показывая, что она делает с телом и духом человека. Среди общих лейтмотивов – сопоставление США и Европы, базовое для американской ментальности как необходимая точка отсчета при конструировании национальной идентичности, а также мотивы амбивалентности технического прогресса и «несвободы», порождаемой материализмом.

Что до конкретных текстуальных стратегий, тут каждый идет своим путем, прививая к по-прежнему жизнеспособному дереву национальной реалистической традиции побег и иных эстетических течений и приемов. Для Брукс таким коррективом становится интертекстуальность. Следуя постмодернистской склонности ко всевозможным сиквелам и приквелам классических произведений, выдвигающим на авансцену их второстепенных персонажей, она ставит в центр повествования Марча – отца «маленьких женщин» из знаменитого одноименного романа Луизы Олкотт (1868). Под пером нашей современницы упорядоченный мир Олкотт обретает иное, намного более тревожное измерение, при этом неминуемо искривляясь в своих основных параметрах. И хотя книгу Брукс можно читать как вполне самостоятельное произведение, именно знание претекста высекает искру в процессе ее рецепции. «Смесительная полька» Райта, как, впрочем, и «Марч», является своего рода Bildungsroman-ом, где герои, независимо от возраста, проходят инициацию и (пере)воспитание войной. Но Райт избирает путь гротескного заострения, «очуждая» и «остраяя» грубую, неприкрытую натуральность смерти, увечья, безумия войны холодновато-ироничным дистанцирова-

нием нарратора от описываемого и избирая на роль фокализатора наивного и прекрасного героя (что, безусловно, вызывает в памяти вольтеровского «Кандида»). В отличие от них обоих, Доктору отдает предпочтение не «центростремительной», а «центробежной» романной модели – хотя действие спрессовано до одного эпизода военной кампании (знаменитого марша 60-ти тысячной армии генерала Шермана из сожженной Атланты на северо-восток в 1864 г.), его художественный образ складывается из нестройного хора «голосов», в своей совокупности дающих разностороннее представление об охваченной войной Америке.

Таким образом, экскурсы в прошлое США, предпринимаемые сегодня в пространстве беллетристики, призваны, в первую очередь, помочь в разрешении животрепещущих конфликтов современности через обнажение их первопричин (что, впрочем, всегда входило в задачи исторического романа как жанра). Различие между авторами анализируемых текстов и их предшественниками состоит в том, что, проектируя на события почти полуторавековой давности тревоги и опасения Америки наших дней, писатели начала XX столетия прекрасно осознают свою роль как не просто хроникеров, но и со-творцов запутанного клубка разнонаправленных человеческих воль, желаний и мотивов, из которого ткется так называемая «история».

*Natalia Vysotska,
Kiev National Linguistic University,
Ukraine*

U. S. Civil War: Literary Perspectives from the 21st Century

Over recent years, history has secured for itself a place of honor in American fiction. On the one hand, the writers' desire to look back at a critical moment in the U. S. history is in line with the national tradition marked, according to Ekaterina Stetsenko, by the dominant vision of history as representing interrelation and interdependence of epochs [Стетенко, 1994, 3]. Margaret Alexander, in her turn, points out an American literature's tendency to revise the nation's underlying philosophy in the

light of later experience resulting in the ironic interplay between contemporaneity and American myth [Alexander 1990, 126]. History is anthropologized in the process realizing itself through individual fates (this feature generally characteristic of fiction is especially noticeable in American spiritual context with its emphasis on individualism and self-reliance).

On the other hand, postmodern culture's (American culture included) irrepressible urge towards the reconceptualization of the past is also caused by present-day intellectual trends denying history (as one of declining "metanarratives") its objectivity and linearity and accentuating its textuality, plurality and relativity (see works by Jean-François Lyotard, Michel Foucault, Hayden White, Frederick Jameson and others).

Multicultural turn in the USA gives rise to an opposite impulse resulting from the formerly marginalized social segments' need to recover their own "stolen" history, the usable past perceived by them as the only reliable material for shaping their individual and group identities. Therefore, the dismantling of official history that had continuously excluded minorities from its discourse is coupled with constructing alternative versions of the past both in historiography and in fiction. Thus, decentration of history, sometimes followed by its recenteration on "periphery" events and agents, is in tune with postmodern demand for empowering the subjects of history earlier deprived of the right to speak.

As a result, any history-oriented text written today becomes a locus of intersection and interaction for a variety of multiple vectors, with the prevalent ones determined by a whimsical interrelation among literary and extra-literary factors.

The present paper focuses on three books published within a short time span (2005-2006) and transporting the readers to a dramatic and fateful period in the US history – the war between the North and the South. They are Geraldine Brooks' Pulitzer Prize-winning *March* (2005), Stephen Wright's *The Amalgamation Polka* (2006), and Edgar L. Doctorow's *March* (2005). Fiction's non-abating interest in the five years that have changed the course of the nation's history and left a deep imprint on the national consciousness is quite natural. It is even more so now that the value system that has taken its final shape after the Civil War seems jeopardized by the current "cultural wars" within and international terrorism without. When in crisis, it is logical to review the fundamentals of an axiological continuum to either confirm their validity, or detect in them the seeds of subsequent conflicts.

Accordingly, all the three novels are overtly revisionist with regard to official (“objective”) historical and fictional narratives relating the Civil War events. In this respect, the authors follow a long-standing national literary tradition initiated by Stephen Crane as early as 1895 in his intentionally anti-heroic *The Red Badge of Courage*. Our contemporaries, however, modify the tradition by stressing vital issues of our time – the approach accounting for similarities between the three texts. They all (in different ways and to different extent) prioritize racial and gender aspects that have long remained unimportant for “military” writers. The thesis that the soldiers of the both armies were infected with the virus of racism figures prominently in the novels laying the ground for the conclusion about the all-American civilization emerged after the war as marked by deep internal controversy. All three writers are utterly naturalistic in their depiction of the horrors of war. Their common leitmotifs include the juxtaposition of the USA and Europe basic for American mentality as a necessary point of departure in national identity construction; the ambivalence of technical progress consequences, and the indictment of “non-freedom” engendered by materialism.

As to specific textual strategies, each writer charts his/her route by enriching still viable national tradition of realism with elements of other esthetic trends. Brooks, for one, relies upon intertextuality. Following postmodernist proclivity towards sequels and prequels of classics moving to the foreground their secondary characters, she centers her story around March – the father of “little women” from Louise Alcott’s famous novel (1868). Consequently, Alcott’s well-ordered world acquires quite a different, much more ominous dimension, with its major parameters inevitably distorted. Even though Brooks’ novel is liable to reading as a literary work in its own right, the familiarity with the pretext enhances the efficiency of its impact. Wright’s *Amalgamation Polka*, as well as *March*, is a kind of a Bildungsroman, with the protagonists, no matter what their age, undergo the “rites of passage” and are subject to (re)education by war. Wright, however, draws upon grotesque hyperbolization defamiliarizing the raw naturalness of death, maiming and insanity of war by ironically distancing his narrator from the object of description and focalizing the story through the eyes of a naive and idealistic character (the technique evocative of *Candide* or *Simplicissimus*). Unlike his colleagues, Doctorow opts for a “centrifugal” novel – though the action is compressed to show one single episode in the military campaign (General

Sherman's sixty thousand strong army's 1864 march from the burnt-down Atlanta to the North-East), its image is created by a disharmonious chorus of "voices" that, taken together, present a many-sided picture of America wriggling in the throes of fratricidal war.

To sum up, raids into the US past undertaken by fiction writers today are aimed primarily at providing guidance to American society in coping with urgent issues facing it through laying bare their original causes. In fact, historical novel as a genre has always performed this function. The difference between the authors of the novels under discussion and their predecessors lies in the fact that extrapolating anxieties and inhibitions experienced by present-day America to the events a century and a half before, the early 21st century writers are well aware of their role as not merely chroniclers, but also co-shapers of the entangled mass of human wills, desires and motives from which the so called history is ultimately woven.

Литература

1. Стеценко Е. А. Судьбы Америки в современном романе США. – М.: Наследие, 1994.
2. Alexander M. *Flights from Realism. Themes and Strategies in Postmodern British and American Fiction*. – London-New York.: Edward Arnold, 1990.
3. Bauman Z. *From Pilgrim to Tourist // Questions of Cultural Identity*, ed. S. Hall & P. Du Gay. – London.: Sage, 1996. – p.18-36.
4. Jameson F. *Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism*. – Durham: Durham UP, 1991.
5. Lucy N. *Postmodern Literary Theory: An Introduction*. – Oxford: Blackwell, 1997.
6. *A Nineteenth Century American Reader*. – Washington, D. C.: USIA, 1989.
7. Renshon St. *The 50% American: Immigration and National Identity in an Age of Terror*. – Washington, D. C.: Georgetown UP, 2005.
8. White H. *The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation*. – Baltimore & London: Johns Hopkins UP, 1987.